

УДК 397

Е.А. Волжанина

КОЧЕВЫЕ И ОСЕДЛЫЕ ХОЗЯЙСТВА В СОСТАВЕ НЕНЦЕВ ЯМАЛА В КОНЦЕ 20-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х гг. XX в.*

Рассматриваются культурные и социально-экономические факторы, обуславливающие выбор ненцами кочевого или оседлого образа жизни в конце 20-х – первой половине 30-х гг. XX в. В результате анализа различных моделей поведения ненецких семей установлена ведущая роль экономического фактора в выборе образа жизни.

Ключевые слова: *ненцы, Ямал, кочевники.*

Традиционная хозяйственная деятельность большинства современных коренных малочисленных народов Севера в прошлом предполагала сезонную смену места жительства. При этом народы Севера не всегда официально признавались кочевниками. Существующие в научных кругах знания о них в разные исторические периоды способствовали отнесению их к различным категориям населения. Согласно Уставу М.М. Сперанского «Об управлении инородцев», охотники, рыбаки и оленеводы включались в разряд бродячих, т.е. «ловцов, переходящих с одного места на другое по рекам и урочищам» [1. С. 19]. Данная точка зрения была пересмотрена в середине 20-х гг. XX в., когда было принято решение, что название «бродячие» «совершенно не соответствует установившемуся за последнее время наиболее правильному понятию кочевых охотников, оленеводов и прочих», для которых, на самом деле, характерен определенный порядок перекочевки и сезонная смена пастбищных и охотничьих угодий [2. С. 6].

В настоящее время более половины кочевого населения Российской Федерации составляют ненцы Ямало-Ненецкого автономного округа, в хозяйствах которых сосредоточена основная часть российского поголовья оленей [3. С. 25]. Вопрос о времени отнесения ненцев к числу кочевников тесно связан со становлением у них оленеводства крупностадного типа. Опираясь на палеогеографические, археологические, этнографические и нарративные данные, исследователи по-разному датируют начало и завершение становления крупностадного оленеводства у ненцев, выделяют разные этапы и стимулирующие факторы его развития [4, 5, 6, 7 и др.]. Несмотря на существующие расхождения между учеными, по общему мнению,

к началу XX в. крупностадное оленеводство являлось ведущей формой ненецкой экономики, с оформившимся комплексом характерных представлений и методов хозяйствования. Именно к периоду становления новой отрасли хозяйства относится формирование традиционной установки, ставшей аксиомой для ненцев, о том, что «каждый “сидячий” тундровой промысловик, не имеющий возможности кочевать, стремился “подняться на каслание”, т.е. нарастить поголовье оленей, сделаться оленеводом и жить ... “настоящей жизнью”» [8. С. 12].

В данной статье рассматриваются культурные и социально-экономические механизмы, обуславливающие выбор ненцами кочевого или оседлого образа жизни. В этой связи мы решили обратиться к источникам конца 20-х – первой половины 30-х гг. XX в., характеризующим традиционные отношения внутри ненецкого общества, связанные с оленями и кочеванием. Это материалы переписи Ямальского райисполкома 1932–1933 гг. и хозяйственной переписи УНХУ РСФСР 1934–1935 гг.), землеустроительной экспедиции 1934–1935 гг. в Ямальском районе, содержащие характеристики хозяйств ненцев накануне мероприятий, направленных на ликвидацию их культурной отсталости (коллективизация, перевод на оседлый образ жизни и др.).

Тундровой хозяйственный комплекс, сформировавшийся у ненцев, не предполагал, что все оленеводы должны быть владельцами крупных стад [6. С. 89]. Более того, мы можем говорить о складывании в тундровой зоне целостной системы хозяйства, включавшей тундровой (олeneводческий), арктический, южнотундровой и лесотундровой хозяйственные комплексы, ни один из кото-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.»), проект № 12-31-01236 и гранта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», 2012–2014 гг.

рых не мог существовать в отдельности [6. С. 131]. В этом отношении показательными являются сведения о размерах оленьих стад у населения, свидетельствующие о преобладании малооленных хозяйств, поголовье оленей в которых не достигало до необходимого прожиточного минимума, составлявшего, по оценкам разных исследователей, от 130 до 500 голов [6. С. 78; 9. С. 34–35; 10. С. 251]. Согласно посемейно-хозяйственным бланкам 1932–1933 г., 58,9% хозяйств в Ямальском районе имели стада до 100 голов, 21,6% – от 101 до 200, 13,5% – от 201 до 400 и 6% – 401 и более [11. С. 225]. В 1934 г. в ходе переписи УНХУ в южной части Ямальского полуострова из 296 зарегистрированных оленьих хозяйств 235 имели до 100 оленей [12. Л. 173].

На состояние оленеводческого хозяйства оказывает влияние множество факторов (биологических, санитарно-эпидемиологических, социально-экономических). Одним из следствий распространения оленеводства на Ямале стали периодические вспышки заболеваний оленей, приобретающие характер эпидемий и приводившие к массовой гибели животных и разорению их владельцев. В 1908, 1911, 1914 гг. наблюдался падеж оленей от сибирской язвы в районе озер Яррото, Ямбуто, Нейто, Мордымалто, мыса Каменного, рек Тарко-Сале, Таркасэбэсьяха, Харасавэй [13. С. 34], в 1931–1933 гг. – копытки и легочных заболеваний в бассейнах рек Сёяга (Карская), Ясовой-Яга, Падужа, Ой-яга, Падератта [11. С. 226; 14. Л. 203].

Участники землеустроительной экспедиции объясняли распространение малооленных семей и сокращение поголовья оленей в Ямальском районе в первой половине 30-х гг. XX в. нехваткой промышленных и продовольственных товаров и низким выходом песка, из-за чего население вынуждено было забивать больше оленей, чем обычно [14. Л. 203]. Проведение государством обязательной контрактации оленей у кулаков и середняков, размеры которой составляли от 15 до 700 голов, послужило еще одной причиной сокращения оленьих стад в рассматриваемый период [11. С. 226]. В результате действия субъективных и объективных факторов поголовье оленей в Ямальском районе в 1935 г. сократилось на 25% по сравнению с 1926 г. [14. Л. 202об.].

По переписи 1932–1933 гг., на Ямале насчитывалось 558 кочевых, преимущественно ненецких, хозяйств [11. С. 223], в 1934 г. – 698 [14. Л. 95, 97об.]. К сожалению, по абсолютным данным невозможно проследить их динамику за 2 года. Если брать относительные данные, то доля кочевников даже сократилась в общем числе хозяйств,

проживающих на Ямале, с 79,5 до 72%. При этом в первом случае было переписано все население полуострова, а во втором – только промысловое.

Регистраторы похозяйственной переписи УНХУ РСФСР 1934–1935 гг., охватившей юг Ямальского района, сумели выявить разные модели поведения ненцев, оказавшихся перед выбором: кочевать или жить оседло. На основании ее материалов все ненецкие хозяйства делятся на кочевые, передвигавшиеся со своими стадами круглый год с места на место, независимо от продолжительности кочевого маршрута, полuosедлые, занимавшиеся главным образом рыболовством, владевшие небольшим количеством оленей, лето проживавшие стационарно и кочевавшие зимой, и оседлые, имевшие жилые и хозяйственные постройки. Относясь к территории, на которой взаимозависимость трех хозяйственных комплексов (тундрового, южнотундрового и лесотундрового) была наиболее ярко выраженной, они не оставляют сомнений, что кочевой образ жизни являлся привлекательным для ненцев. Хозяйства, потерявшие свое стадо в результате падежа оленей от болезней и ставшие малооленными, стремились снова приобрести их в достаточном количестве, чтобы кочевать, демонстрируют модель поведения, рассматривающую переход от кочевого к оседлому образу жизни как временное состояние.

Традиционными приемами, позволяющими хозяйству, несмотря на потерю оленей, продолжать кочевать, у ненцев были совместное кочевание с состоятельными оленеводами (не обязательно родственниками), найм к ним пастухами (плата осуществлялась оленьими), взятие оленей во временное пользование (*подерно*), объединение хозяйств для совместного выпаса оленей (*парма*), система отдаривания (*тында*). Они практиковались и в конце 20-х – первой половине 30-х гг. XX в., но население стало прибегать к ним реже. Самым распространенным способом наращивания стада в этот период стал обмен продукции рыболовства и охотничьего промысла на оленей у богатых оленеводов: 1 олень стоил 1 шкурку песка или 1 ящик рыбы (0,5 ц) [15. Л. 21об.].

Указание в переписных листах на то, что хозяйство «стало кочевать только после революции» или «приобрело оленей на другой год после революции» является не только политическим приемом, показывающим преимущества советского строя перед предшествующим «царским режимом». На самом деле с изменением социально-экономической ситуации на Ямальском полуострове в конце 20-х гг. у населения появилось больше возможностей приобретения оленей путем их

покупки в кредит и за наличные деньги. С образованием стационарных населенных пунктов (факторий, районного центра Яр-Сале, поселков: Новый Порт, Ходата, Пуйко, Горный Хаманел) ненцы стали зарабатывать деньги, занимаясь извозом, заготовкой топлива, службой в государственных учреждениях. Большая заинтересованность государства в пушнине, а также рыбе и мясе обусловила широкую практику предоставления кредитов промысловикам, в том числе на приобретение оленей. Большая заслуга в этом принадлежит работе Интегралкооператива и Рыбтреста. Некоторые хозяйства, которые прежде брали оленей в подерпо, в новых условиях стали прибегать к кредитам. Продолжительность восстановительного периода составляла от 3 до 20 и более лет. Приобретая 50 оленей и больше, хозяйство уже могло перейти в разряд кочевого, хотя оно еще не было самостоятельным и могло кочевать только в составе кочевой группы [16. Л. 21об.; 17. Л. 31об.].

Статистические данные не позволяют нам говорить о массовом возвращении оленеводов в тундру в эти годы. Тем не менее в создавшихся благоприятных условиях заново поднялись на каслание семьи, проживавшие полуоседло уже во втором поколении и имевшие стационарные постройки. Так, Адер Сергей, отец которого уже был безоленным, жил сначала оседло на Салемале, затем в Ватангах, где построил деревянный амбар, служивший летом жилищем, а зимой – для хранения принадлежностей для рыбного промысла, постепенно в течение 5 лет приобретал оленей «рубкой леса, охотой, рыбой», а в 1933 г. взял ссуду в Интеграле на покупку оленей [15. Л. 21об.]. Смена образа жизни могла происходить на протяжении жизни одного поколения. Наличие жилых и хозяйственных построек не привязывало человека крепко к месту. Материалы переписи приводят несколько случаев, когда семья в результате падежа оленей переходила жить в дом, купленный или построенный ими на месте рыболовного промысла, а затем оставляла его или продавала, а на вырученные деньги покупала оленей. Поронгуй Николай «года 3 назад купил избушку в Вануйто. Имел 4 оленей. До этого чумом постоянно стоял в Вануйто. В прошлом году (1933 г. – *Е.В.*) продал за 100 руб. избу и опять стал кочевать. ... 11 голов оленей куплено в Интеграле прошлой осенью [18. Л. 81об.].

Население называло вполне рациональные причины, побудившие их к принятию решения о смене рыболовного занятия на оленеводство и образа жизни с оседлого на кочевой как наиболее выгодного в экономическом отношении в сло-

жившихся условиях, прежде всего благодаря высокой закупочной цене на пушнину, по сравнению с рыбой. Это положение хорошо резюмировал Яптик Ватуси, ответивший на вопрос, почему отперешел к кочевому быту: «...легче работать и выгоднее» [19. Л. 181об.]. Уход в оленеводы стал реакцией на недобросовестную работу организаций, занимающихся рыбодобычей на Ямале: «Рыбтрест плохо платил деньги, кредиты не давал и за добытую рыбу не получал [деньги]. [Я] распродал все и купил оленей» (Окотэтто Телька) [20. Л. 191об.], «...рыболовное хозяйство бросил, так как русские его все обманывали и перешел на оленеводство» (Сусой Нянгы) [17. Л. 191об.]. Для некоторых полуоседлых хозяйств возврат в оленеводство на какое-то время стал возможен благодаря найму пастухами во вновь организованные колхозы и совхозы [20. Л. 191об.; 21. Л. 21об.].

Появление сети населенных пунктов, распространение образования и новых форм хозяйственной деятельности (колхозы и совхозы) среди ненцев стали существенной альтернативой кочевому образу жизни, которой воспользовались целый ряд хозяйств. Вот несколько типичных ситуаций. Вануйто Молко, вступив в колхоз в 1932 г., «с тех пор не касляет, живет на одном месте в Ярсалях, отлучаясь на рыбный промысел, но на зиму вновь возвращается, живет в колхозном доме, хотя чум есть, но он его не ставит. Доктор не разрешает жить в чуме, так как Вануйто и его семья болели» [21. Л. 81об.]. Лапсуй Тэмпо вступил в состав ППО «Харп», его хозяйство, «как и другие хозяйства, входимые в Харп ... имеет постоянное место жительства в Яр-Сале. Большая часть Харпа живет в чумах, некоторые в колхозном доме. Обычно в чуме живет по несколько семей. Свои чумы имеют немногие, другие или их не имеют, или имеют это явно плохие, но чумов не ставят. Летом Лапсуй Тэмко и Лапсу Лаэ работают на рыбпромыслах, зимой иногда в оленеводстве. Но их постоянное место жительства, куда они всегда возвращаются, – это Ярсале. Хозяйство ... перешло на оседлость, но своих постоянных построек не имеет, поставлен вопрос о постройке поселка для колхоза и колхозников [22. Л. 31об.]. Худи Николай Андреевич «с кочевого образа жизни в 1933 г. перешел к оседлому, потому что его завербовали учиться в педтехникум, а стадо ... отдал его дяде. Сейчас постоянных построек тоже не имеет, живет в чуме» [23. Л. 111об.]. Пандо Петр, потерявший оленей от копытки и построивший для себя избушку рядом с Аксаркой, каждый год на зиму устраивается работать сторожем в Вануйто» [23. Л. 71об.]. Мы можем только предположить, что в

каждом из этих случаев глава хозяйства рассматривал свое вынужденное стационарное проживание как временное (болезнь, получение образования, бедность).

В целом, мы можем говорить о том, что стремление к получению экономической выгоды было определяющим фактором в выборе образа жизни для ненцев. В конце 20-х – первой половине 30-х гг. XX в. наличие оленей в хозяйстве не только удовлетворяло потребности семьи в пище, одежде, жилище, но и позволяло получать хорошую прибыль от охотничьего промысла и извоза, значительно повышавших доход оленеводческой семьи, по сравнению с рыбацкой. Поэтому несмотря на сокращение поголовья оленей и высокий процент малооленных хозяйств, отмечаемые в Ямальском районе в рассматриваемый период, расширение сферы применения оленей и интенсивное их использование в других отраслях, имевших товарный характер, само по себе обеспечивало семье безбедное существование. Созданные благоприятные условия для наращивания стада (предоставление кредитов и денежные заработки) только стимулировали переход полуседлых и оседлых хозяйств к кочевому образу жизни в соответствии с традиционной культурной установкой, чутко реагирувавших на социально-экономические изменения, что свидетельствует о предприимчивости ненцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сборник документов. Тюмень, 1994. 321 с.
2. Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926/1927 гг.) // Труды научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера ЦИК СССР. Л.: Тип. «Коминтерн», 1932. Т. 1, вып. 1–2. 65 с.
3. Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России // Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов Севера России. М.: Издательский дом «Стратегия», 2006. С. 13–33.
4. Васильев В.И. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 314–343.
5. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 190 с.
6. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 204 с.
7. Крупник И.И. Становление крупнотабунного оленеводства у тундровых ненцев // Советская этнография. 1974. № 2. С. 57–69.
8. Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.
9. Суслов И.М. Расчеты минимального количества оленей, потребного для туземного середняцкого хозяйства // Советский Север. 1930. № 3. С. 29–34.
10. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1992. 281 с.
11. Волжанина Е.А. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 15. С. 225–235.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.А-374. Оп. 26. Д. 36.
13. Королев Б.А., Кувичев В.С. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ «Изучение структуры зооантропонозов в районах освоения газовых месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа (заключительный). Тюмень: ИПОС СО РАН, 1990. 54 с.
14. Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа. Ф. 12. Оп. 1. Д. 188а.
15. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 39.
16. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 46.
17. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 42.
18. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 38.
19. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 44.
20. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 41.
21. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 35.
22. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 36.
23. ГАРФ. Ф.А-374. Оп. 26. Д. 37.